Глава 138: Победоносец

На крепости.

Крик Ван Хуна растворился в воздухе. Все, что ему осталось – смотреть вслед белому силуэту и его тени, ибо знал, что все его крики и приказы бесполезны…

— Этот молодой мастер выглядит так знакомо, — громко воскликнул в этот момент Юй Чжи. Он подошел к Ван Хуну, — Цилан, разве что это А Жун из дома Чэнь?

Ван Хун ответил, согласно закрыв глаза. Голос он сорвал. На лбу у него выступили капельки пота.

Стоя рядом с ними, Чэнь Гонжан тоже воскликнул:

— А Жун? Это А Жун? Я думал, он с Ши Минем?— засмеялся он и с гордостью в голосе заявил, — Мои дорогие господа, это юноша нашей семьи! Мы гордимся тем, что обладаем высокими качествами, но сегодня мы все проиграли юному мальчику!

Они действительно проиграли мальчишке.

Глава даже не вспомнил, что, в сущности, недавно отмел этого мальчишку как мусор, считая его уже бездарно использованным шансом, по вине Юаня. Впрочем, они попытались выправить ситуацию за счет А Вэй и некоторых обещаний услуг в будущем, но вот насколько это удалось, пока непонятно.

В это время, боявшиеся и хотевшие отступить, солдаты, стиснули зубы и приготовились сражаться не на жизнь, а на смерть. Флер омеги с первыми смертями врагов, боевому трансу и фиг его еще знает чему, раскрылся подобно двум крылам за его спиной, так, что конь уже буквально летел, не ощущая седока на эфирных волнах, только хватая врагов зубами и отбивая копытами. Это был ни разу не боевой конь, которых этому специально обучают, но он откуда-то знал, что следует делать, согласно его инстинктам. Казалось, что в жеребца вселился демон не из слабых.

Вся армия Цзинь двинулась вперед. Даже самые робкие готовились к смерти и уже не страшились её. Увидев белую фигуру, летящую в открытом поле, они повернулись лицом к поднимающемуся дыму и пыли и издали безумный рев, призывающий к атаке.

Он начинался с одного крика, затем они постепенно становились все громче и громче.

В конце концов, этот гулкий рев оказался единственным звуком, оставшимся на земле.

Генералы, хотевшие поднять боевой дух своих солдат, больше в этом не нуждались.

Вся ярость и решимость уже запылали.

Не успели они опомниться, как солдаты начали кричать:

— Смерть – варвары не оставят нас в живых. Смерть!

— Смерть им! Только тогда мы выживем!

— Смерть им! Смерть!

Один крик следовал за другим. Глаза горели багровым огнем отчаяния и одержимости. Почти мгновенно уверенность армии Цзинь возросла в десять раз... У всех осталась только одна мысль: Как только город будет захвачен, их ждет та же участь, что и Мо'ян. Поскольку спасения не было, они должны рискнуть своими жизнями и сражаться. Они ощутили себя загнанными в угол.

Все же, столкнуть кого-то со смертью, и он станет бороться за жизнь. До сих пор солдаты Цзинь славились своей трусостью. Но все изменилось. Флер Омеги в силе, погруженного в транс берсерка, витал над войском, затмевая рассудок и посылая вперед даже самых трусливых. Кровавая жажда застилала глаза маревом и даже уже погибшие наносили еще несколько ударов врагу, прежде чем окончательно отправиться на перерождение.

Мужун Кэ сел. Он смотрел прямо на силуэт в белом на дымном поле боя, он прекрасно видел гигантские развернувшиеся эфирные крылья всадника, а затем махнул рукой с внезапным приказом:

— В бой! Сейчас же! Захватите этого омегу!

Он знал, что его солдаты привыкли пренебрегать Цзинь. Враг явно начал атаковать, но они все еще лениво смеялись вокруг. Идиоты. С другой стороны - их демоны не допустят атаки на омегу. И что делать?

Когда Мужун Кэ выкрикнул свою команду, Ван Хун, в крепости, холодно приказал:

— Откройте ворота, чтобы наши войска могли вырваться отсюда! Поддержим прорыв всей силой.

Он развернулся и объявил:

— Я, из клана Ван, выйду из этих ворот, чтобы сразиться с варварами!

Все приветствовали его решение криками и куртуазными аплодисментами. Но Ван Хун понимал, что уже опоздал. Войско захвачено флером Жуна. Они будут жить и умирать во имя его. Каждой своей и вражеской смертью усиливая власть флера омеги. Двойная культивация. Со смертью в партнерах.

К этому времени энтузиазм и неукротимая воля к борьбе под крепостной стеной распространились и на остальные войска. Одержимость была еще той заразой, стремительно распространяясь среди войска, словно лесной пожар, подкармливаемая вездесущим флером, собирающим свою богатую эфирную жатву. Все были одержимы кровожадным демоном-берсерком, их глаза не видели ничего, залитые кровавой тьмой жажды крови врага. Тотчас же были подняты знамена и отданы серии команд, в которых по большому счету уже не было нужды, бойцы едва покидая стены крепости заражались безумием атаки и сами мчались вперед, куда посылал их флер прекрасного всадника.

Городские ворота снова и снова открывались. Все солдаты у северных ворот начали садиться на лошадей, готовясь к следующей атаке. Кажется, отголоски флера проникли уже и за стену, в город, призывая к атаке на врага. За ворота стали выскакивать уже и горожане, вооруженные, чем придется.

Один за другим генералы подъехали к трем другим воротам и поместью принца.

Творилось что-то неучтенное и невероятное. Они вроде как оказались даже не нужны в развернувшейся атаке, принявшей какой-то стихийный характер. Хотя как сказать, казалось, что одержимые бойцы, как марионетки выполняют перестроения и броски, следуя указаниям неведомого командира. И, надо сказать, что весьма опытного. Только свистки раздавались вдалеке, и бой сигнальных барабанов вражеского войска.

Ученые также поспешно развернулись, чтобы приказать своим клановым гвардейцам вырваться из северных ворот – Нань’ян имел в три раза больше войск, чем у Мужун Кэ в этот момент. Его силы были рассеяны по равнинам империи и большая часть находилась всё ёще у столицы. В прошлом солдатам Цзинь не хватало смелости и силы, чтобы сражаться. Однако в данный момент все они давали смертельную клятву, и такую возможность нельзя было упускать.

В мгновение ока, ощутив прилив живой силы в войске, белая фигура понеслась к Ху во главе буквально озверевшего одержимого воинства, катившегося на варваров оскалившейся яростной лавиной смерти.

Над головой мальчика кружил огненный кнут, окутанный сполохами небесного огня, время от времени если не он, то слетающие с него молнии, поражали врага, выкашивая впереди дорогу. Головы встречных слетали с плеч, словно кочаны капусты, щедро окатывая всадника фонтанами крови. Он вел поле боя и не обращал особого внимания на то, что его окружает враг, стремглав несущийся на него. Демоны одаренных гвардейцев ху, словно взбесились, они

бросали своих владетелей под копыта одержимого коня, чтобы освободиться и всей своей эфирной силой влиться во флер ТАКОГО омеги, еще больше увеличивая его силу и размах. Конь тоже все меньше напоминал нормального скакуна, у него разве что дым с пламенем из ноздрей не валил. А может, и валил… свидетелей не оставалось.

На его стороне имелось четверо охранников. Они были очень искусны, но его бешеный галоп застал их врасплох. Они остались где-то позади в гуще битвы, неся на себе оттиск эфирных крыльев, что давало им дополнительные силы и ярость. Небольшой бонус к неуязвимости. Как ни странно весь отряд смертников был все еще жив, оказавшись «под крылом». Ведь какое-то время они были ближе всех к ее источнику, и их искренняя цель была защитить омегу. Магия это учла и непоскупилась..

Поскольку они были заняты битвой с Ху, у них не оставалось времени защищать чертова мальчишку. Они кричали ему снова и снова, но их крики быстро растворились в суматохе боя. Белая фигура не оглядывалась, они гадали, слышал он их или нет, продвигаясь все так же клином по следу омеги из мертвых тел, словно по борозде среди моря сражающихся, расширяя её.

Мужун Кэ оставался спокойным под своей маской. Нападение Цзинь стало неожиданностью и полностью сорвало его планы. Он непрерывно передавал приказы, однако к этому времени противники уже вышли на фронт, и некоторые из его приказов просто уже не могли быть переданы вовремя да и были не актуальны. Даже бой барабанов был заглушен звуками схватки. Творилось что-то запредельное. Откуда бы у оседлых, расслабившихся и сытых цзинь такие боевые навыки, боевая ярость и сила? Такой опыт отработанных боевых перестроений, запредельная ловкость владения оружием и неутомимость?

Он уставился на окровавленную, все еще сияющую белизной фигуру в поле и сердито прорычал:

— Ван Хун, ты бесстыдный ублюдок! Не могу поверить, что ты используешь другого омегу для поднятия боевого духа! А ведь это тот самый мальчишка из Мо Яна! Ну, братец, подсубботил, не ты ли его инициировал?

Никто не слышал его рычания, особенно последних фраз, неведомо кому адресованных.

Тысячи солдат Цзинь быстро добрались до гущи боя, где орудовал Чэнь Жун, напав на Хув самом их сердце, он все ближе подбирался к ставке. Позади них все еще тек непрерывный поток войск Цзинь, уже захваченных и направляемых флером Омеги в силе…четко выполняющим грамотные перестроения во время боя, словно отработанные до автоматизма. Боевые отряды то щетинились дружно копьями, то пропускали вперед для залпа арбалетчиков и лучников, то расступались давая дорогу безумной коннице и колесницам.

Капитан личной гвардии приблизился к Мужун Кэ и спросил его:

— Цинван, как ты думаешь, что нам делать?

Он с беспокойством посмотрел на Мужун Кэ, так как знал, что двадцать тысяч солдат у северных ворот в основном состояли из расформированных солдат. Это были отряды самых разных племен, выбравших наиболее выгодное положение, и никак не рассчитавших, что именно тут окажется острие атаки цзинь. Мужун Кэ поместил их туда только для численности и внушительности, чтобы создать вид огромной армии для психологического устрашения. Он ожидал, что Цзинь окажутся настолько трусливыми, что даже в том случае, если они откроют ворота для вылазки, это будет просто блеф. После прорыва в Мо Яне, под руководством якобы Ван Хуна, больше подобных операций не было, и город упал ему на ладонь подобно спелому яблоку, как оно и предполагалось изначально. Теперь он уже сомневался, что тот прорыв был заслугой Цилана.

Он сам даже считал, что один с личными гвардейцами может справиться с десятью тысячами этих слабаков… Кто знал, что Цзинь станут рисковать своими жизнями с самой первой атаки. Да еше у северных ворот, где находилось наибольшее количество на вид несгибаемых Ху!

— А ты как думаешь? — огрызнулся Мужун Кэ, — Пусть наши люди блокируют их, даже если смерть стоит на пути! — Как он мог отступить? Отступление сейчас стало бы катастрофой!

Капитан получил приказ и бросился вон.

В то же время пять тысяч марширующих солдат Цзинь с удивлением обнаружили, что армия Ху перед ними оказалась гораздо менее устрашающей, чем о ней рассказывали легенды. Им нужно было только выставить свои нагинаты, чтобы добраться до этих Ху.

Это осознание немедленно распространилось среди войск. Кровь противостояла крови, плоть противостояла плоти. Одно тело падало за другим, а затем переходило к следующему дыханию жизни. Смерть собирала жатву, отдавая щедрый процент омеге, культивирующему с ней в эротическом дуэте.

В мгновение ока Цзинь отвоевали еще десять шагов.

Хотя это было не так уж много, но ученые на крепости, и наступающие войска были в восторге.

— Варвары не страшны… — взволнованно крикнул один из них.

Его голос не мог разноситься далеко, но десятки и сотни таких криков были осязаемы для солдат Цзинь в тылу.

Взрыв гнева сразу стал громче и гулче.

Десять шагов, двадцать… тридцать.

Ху продолжали отступать, падая под безумным натиском и погибая под ударами прорвавшихся

за их спины.

Каждый раз, когда они делали шаг назад, раздавались новые яростные крики Цзинь.

Очень скоро войска Цзинь с относительной легкостью преодолели половину пути до ставки Мужун Кэ...

— Генерал, давайте отступим.

Капитан немедленно подошел к Мужун Кэ.

— Генерал, Вашей репутации будет нанесен большой урон, если трусливые Цзинь сумеют уничтожить нас.

Уже имелся Жань Минь, которого бог войны Сянбэй, Мужун Кэ, не в состоянии победить.

Вечное соревнование с братом было известно ограниченному кругу посвященных в семейные отношения королевской семьи Ши.

Мужун он был по бабке. Она была принцессой Сянбей, восстановившей в итоге королевкую власть севера, ибо ху не присягами новому императору, не считая его достойным его статуса.

Императором должен был стать его старший брат Ши Минь! Точка.

И глупый бессилок подпишет передачу власти брату в захваченном Ло Яне рано или поздно.

Поскольку на престоле должен быть маг, а не бессилок. Даже Магический Хранитель Императорской династии удалился от трона, когда бессилки взошли на него в итоге дворцовых интриг.

И Короли Ху, династия Ши первыми вышли из договора вассалитета императору, отказавшись приносить кровные клятвы бессилку. Вновь обретя царский статус вместо великокняжеского (свободного царственного князя).

И в его биографии прямого наследника трона Северных Ху абсолютно не должно появиться никакого омеги Ван Хуна, который мог бы уничтожить двадцать тысяч его солдат в бою. Пусть тот и равный ему наследник другого царственного князя.

Другой капитан вышел вперед и крикнул Мужун Кэ:

— Генерал, если мы не хотим поражения, то должны уйти, пока можем. Мы получим наше

искупление в ближайшие дни.

Услышав это, Мужун Кэ бросил взгляд на белую фигуру, которая все еще носилась по полю боя, собирая свою дань эфиром поверженных демонов. Так под его копытами может лечь вся гвардия. Причем, етить ее, добровольно… Он видел, что многие маги его ковена уже с трудом сдерживают своих взбесившихся симбионтов. Его собственный был на удивление тих, словно что-то обдумывал… и не хотел Кэ знать, к каким выводам тот придет!!! Вот совсем не хотел!

— Отступаем!

По его приказу развернулись флаги Ху. Взвизгнули сигнальные свистки, забили барабаны.

Армия отступила. Хотя...собственно, побежала. Но теперь этому было оправдание и оставшиеся ошметки племенных отрядов, подобрав полы, рванули побыстрее в тыл.

— Варвары отступают, нам удалось их остановить!

Их крики сопровождались слезами радости. К тому времени, как враг отступил, их голоса уже не распространялись далеко.

Моральный дух армии, несомненно, будет истощен, как только она отступит с поля боя. В данный момент Ху отступали все быстрее и быстрее, местами срываясь на открытый бег, в то время как Цзин убивали врагов все более бесстрашно.

Крики Цзинь внезапно разнеслись по всему полю:

— Они отступают! - Убейте их, убейте их всех! Смерть, смерть!— алая жажда крови окрасила их глаза. Они гнались за врагом с оружием в руках, не давая ему уйти без боя.

Менее чем через две мили от башен Нань’яна донесся барабанный бой. Он отзывал увлекшихся воинов обратно с поля боя.

Солдаты медленно и неохотно прекратили погоню.

Генерал оглянулся, с трудом выныривая из азарта погони, и сердито крикнул:

— Какого черта они нас отзывают? Почему мы отступаем, когда у нас, наконец, есть шанс уничтожить варваров?- кровавая пелена медленно сходила из разума, и приходило понимание, что увлекшиеся отряды могут попасть в засаду. Все же ху не мало, и они еще не встретились с их главной ударной силой.

Были и проклятия, но в основном отовсюду доносились радостные крики.

Победа! Победа наша!

Солдаты хлынули обратно в Нань’ян подобно отливу.

Они подошли к городским воротам и увидели, что старейшины толпятся по обе стороны ворот, приветствуя их восторженными возгласами.

В самый разгар этого торжества выехала коляска.

Несмотря на радостное возбуждение в людском море, толпа все равно расступалась, куда бы ни ехал этот экипаж.

В мгновение ока тот помчался к возвращающейся армии Цзинь.

Он остановился. Его занавес поднялся, когда спокойны и уравновешенный голос произнес:

— Где он?

Четверо окровавленных охранников переглянулись и опустили головы. Один из них подошел, поднял сцепленные руки и прохрипел:

— Он только что находился здесь, но он исчез прежде, чем мы заметили это.

Другой стражник посмотрел в сторону коляски и успокоил его:

— Не волнуйтесь, господин, я уверен, что с ним все в порядке. Он носит белое; если бы что-то случилось, все бы заметили.

— Вернёмся.

— Да.

После того, как четверо охранников отступили, голос внутри повозки приказал слева и справа от себя:

— Найдите его.

— Да.

В это время к ним подъехала моцзюй, из которой высунул голову советник и тихо сказал кому-то внутри:

— Вашей сегодняшней победы хватит на всю оставшуюся жизнь. Это все, чем мы обязаны народу Нань’яна; это также все, чем мы обязаны империи … Мой господин, всему есть предел. Нам действительно нет нужды дожидаться здесь контратаки Мужун Кэ.

— Мой Господин, мы можем вернуться в Цзянькан прямо сейчас, — добавил он, помолчав.

Прозвучал голос другого советника:

— Господин Цилан, это очень важное дело. Пожалуйста, рассмотрите его внимательно.

Некоторое время спустя Ван Хун небрежно ответил:

— Я понял.

После ответа, шицзюй Цилана развернулся снова отправился в Нань’ян.

Как только Ван Хун вернулся в город, он созвал всех глав основных кланов, а также генералов из поместья принца. К тому времени, когда все вопросы по дальнейшей обороне были выяснены, наступили сумерки с заходящим солнцем на небе.

Когда Ван Хун вышел, охранник вышел вперед и прошептал ему:

— Мой господин, мы нашли его.

Ван Хун повернул голову и тихо спросил:

— Вы его нашли? Ведите меня туда.

— Да.

Повозка помчалась прочь по главной дороге.

В настоящее время дорога была забита людьми, бегущими из Нань’яна в Цзянькан. Теперь, когда битва была, наконец, выиграна и Принц Нань’яна, наконец, оказался не в состоянии остановить их от ухода, они не могли ждать, чтобы убраться отсюда на юг, к слиянию двух самых крупных рек на границе джунглей.

Увидев его повозку, они все отступили в стороны и почтительно поклонились.

Вскоре впереди показалась передвижная воинская таверна – несколько согнанных и установленных квадратом повозок с походными кухнями. В центре под натянутым пологом стояли столы, где подавалась немудреная пища и выпивка. Подобные повозки следовали за каждым войском, обеспечивая воинов необходимым: выпивкой, шлюхами, скупкой и продажей трофеев. Под развевающимся знаменем сидела фигура в когда-то белых, ныне окровавленных одеждах.

Справа от него находилось заходящее солнце, а слева — бескрайняя голая степь. Он тихо сидел под знаменами таверны, и его атласные волосы ниспадали на опущенное лицо. Перед ним стояла бутылка вина.

Повозка остановилась.

Ван Хун спрыгнул и медленно к нему подошел.

Он подошел к юноше и посмотрел на его окровавленную одежду и покрытый рунами кнут, прицепленный к поясу, на его лицо, скрытое волосами. Он тихо и осторожно сказал:

— А Жун, вернись. Возвращайся со мной.

Омега медленно поднял голову.

Его волосы рассыпались по сторонам, открывая потрясающее улыбающееся лицо.

Он взглянула на него с приподнятыми кончиками губ, вроде не задумываясь и не подозревая, что на его лице было полно пятен крови.

Он медленно встал и отвернулся.

Увидев, что он снова собирается уходить, у Ван Хуна в голосе зазвучали отчаянные нотки:

— А Жун, возвращайся со мной!

Он остановился.

Он слегка наклонил голову, чтобы посмотреть на него и на заходящее солнце. Он мило улыбнулся, как должно младшему мужу:

— Вернуться? Нет, я больше не могу вернуться… — он не мог и не хотел возвращаться.

Он не должен был существовать в этом мире. Но он был в него призван вопреки своему желанию. Хотя империя огромна, для него никогда не имелось места…

http://erolate.com/book/1285/36189